

Е.А. НАЗАРБАЕВА, Н.В. ХАЛИНА, А.И. ПИШНЯК

ХРОНИЧЕСКАЯ БЕДНОСТЬ В РОССИИ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

НАЗАРБАЕВА Елена Алексеевна – научный сотрудник (enazarbaeva@hse.ru); ХАЛИНА Наталья Вячеславовна – научный сотрудник (nkhalina@hse.ru); ПИШНЯК Алина Игоревна – кандидат социологических наук, заведующий Центром (apishniak@hse.ru). Все – Центр анализа доходов и уровня жизни, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена анализу хронической и краткосрочной бедности на данных качественного исследования. На основе материалов фокус-групп, проведенных летом 2023 г., исследуется восприятие бедности населением – взгляд как самих малоимущих, так и преодолевших бедность – на ее причины и варианты выхода из нее. Внимание уделяется установкам, которые приводят к хронической бедности. Показано, что хронически бедные осознают ограничения своего материального положения, однако назвать себя бедными или малоимущими не готовы, полагая, что в случае необходимости смогут повысить свои доходы. При этом, будучи способны предложить стратегии выхода из бедности для «чужих», абстрактных ситуаций, для себя они такого рода решений не видят, ссылаясь на негативный опыт на рынке труда, необходимость присмотрта и ухода за детьми, а также нежелание менять привычный образ жизни.

Ключевые слова: бедность • хроническая бедность • краткосрочная бедность • восприятие бедности

DOI: [10.31857/S0132162524110042](https://doi.org/10.31857/S0132162524110042)

Введение. Исследования бедности имеют богатую историю: накоплен значительный опыт в части ее оценки, велись многочисленные дискуссии о том, какие критерии использовать для идентификации бедных [Laderchi et al., 2003; Овчарова, 2012]. Одним из важных аспектов природы бедности является существование хронической бедности (в англоязычной традиции – «chronic» или «persistent poverty»). Несмотря на существенные наработки [Carter, Barret, 2006; Hulme, McKay, 2013; McKay, Lawson, 2003], это явление недостаточно изучено. Большинство упомянутых работ выполнены в русле количественных подходов, в то время как в части применения качественной методологии исследования существуют пробелы [Howe, McKay, 2007]. Вместе с тем именно качественный подход помогает глубже понять, кто такие хронически бедные и что мешает им выйти из бедности.

Застойная или хроническая бедность представляет наибольшую проблему с точки зрения социальной защиты и поддержки населения, поскольку приводит к изменению установок, круга общения [Тихонова, 2014; Слободенюк, 2014]. Как следствие, выход из бедности становится более затруднительным – вероятность преодоления бедности для семьи снижается с каждым годом, проведенным в этом состоянии [Fouarge, Layte, 2005; You, 2010]. Причем наиболее сильно шансы выйти из бедности сокращаются в первые годы жизни в этом состоянии [Andriopoulou, Tsakloglou, 2011].

Предлагаемая работа дополняет корпус знаний, накопленных в части изучения хронической бедности с использованием качественных данных, ее целью является оценка

восприятия собственного положения хронически бедным населением и его возможностей по выходу из бедности. Показано, как описывают феномен бедности хронически бедные, как они видят свое положение в этом контексте, какие шаги по улучшению своего материального положения готовы предпринять. Чтобы подчеркнуть специфику хронически бедного населения, их ответы сравниваются с тем, как описывают свою жизнь люди, бывшие в ситуации краткосрочной бедности, но в настоящее время преодолевшие тяжелую жизненную ситуацию.

Опыт изучения хронической бедности за рубежом и в России. Говоря о хронической бедности, в первую очередь необходимо ответить на вопрос о том, что она собой представляет. Исследователи противопоставляют бедность преходящую и бедность хроническую [Carter, Barret, 2006]. Все существующие подходы к их оценке делятся на две категории [McKay, Lawson, 2003]. В первом случае исследователи выбирают период, достаточный для оценки хронической бедности, после чего сравнивают средний доход человека на протяжении этого периода с линией бедности. Второй подход предполагает выбор нескольких периодов (как правило, нескольких лет), в каждом из которых определяется, был человек бедным или нет. После чего количество таких периодов сравнивается с заранее заданным критерием хронической бедности.

В российской традиции используются два термина – бедность застойная и бедность хроническая. В ряде случаев первая трактуется как более длительная (далее рассмотрим примеры таких исследований), однако в данной работе эти понятия используются как синонимы.

Первые оценки хронической бедности были сделаны на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в середине 1990-х гг. Было показано, что в ситуацию такой бедности чаще всего попадали представители больших домохозяйств и дети [World Bank, 1999]. В период с 1994 по 1998 г. в рамках другого исследования была построена классификация малоимущих по продолжительности пребывания в бедности. Было выявлено, что риски длительного пребывания в бедности выше для семей с детьми [Spryskov, 2000].

Длительную бедность изучали и на более поздних данных. Исследователи выделяли группы бедных по доходам и «по лишениям» в каждом году на протяжении изучаемого периода. В период с 2005 по 2011 г. только одна четверть всех россиян не имела опыта пребывания в бедности ни по доходам, ни «по лишениям». Хронически бедными по двум критериям одновременно были признаны 14% всех жителей России [Тихонова, Слободенюк, 2014]. Особое внимание в этом исследовании удалено застойной бедности. Она определялась как бедность и по лишениям, и по доходам в течение четырех и более лет. Отличительной чертой застойной бедности в России выступало проживание в домохозяйствах средних и больших размеров. И если с увеличением длительности пребывания в бедности снижается доля представителей предпенсионного и пенсионного возраста и растет доля несовершеннолетних, то в случае застойной бедности картина иная: среди пребывающих в ней доля несовершеннолетних относительно низка [Слободенюк, 2014].

Как уже отмечено, используются различные способы определения группы хронически бедных. В случае если к хронически бедным относить тех, кто по собственным оценкам находятся в состоянии бедности более трех лет, оказывается, что среди малоимущих преобладают женщины. Помимо этого, если «обычных» бедных отличает большой размер семьи, то хронически бедные чаще проживают в семьях из одного-двух человек, однако среднее количество детей у них больше, чем в небедных семьях [Лежнина, 2014].

В последние годы отмечается рост интереса к теме хронической бедности. Определяя хроническую бедность на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2010–2018) через пребывание в бедности в текущем периоде и, по крайней мере, в шести из восьми предыдущих лет, исследователи показали, что при сравнении «год к году» 10–15% респондентов были стablyно бедными, 13–18% перемещались между состояниями, а уровень хронической бедности составил 6%. Выше всего доля хронически бедных оказалась среди семей с детьми. При этом наибольшие риски хронической бедности определялись в отношении многодетных семей, проживающих в сельской местности, имеющих в своем составе безработных,

а также неполных семей и домохозяйств, где главными кормильцами были женщины или глава не имел профессионального образования [Малева и др., 2020].

В другом исследовании на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2015–2017) к хронически бедным отнесли тех, кто был беден в текущем году и находился в этом состоянии на протяжении двух из трех лет, предшествующих опросу: доля хронически бедных по состоянию на 2017 г. составляла 10,9% – немногим больше, чем половина всего малоимущего населения (19,1%) [Пишиняк и др., 2021]. Третий вариант методики был применен в расчетах на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в период с 1994 по 2015 г., были выделены временные отрезки, в каждом из которых рассчитывался средний доход домохозяйства. К хронически бедным были отнесены те, чьи средние доходы за выбранный период оказались ниже линии бедности. Такой анализ показывает, что большинство бедны временно, а не хронически [Abanokova, Dang, 2021].

Говоря о качественном подходе к изучению хронической бедности, нельзя не обратиться и к корпусу отечественных исследований конца 1990-х – начала 2000-х гг. [Государственная социальная политика, 2003; Тихонова, 2003]. Исследователи показали, что группа бедных в этот период была весьма неоднородна, включая как «новых бедных» – тех, чье материальное положение ухудшилось вследствие рыночных трансформаций, так и «старых бедных», которые были бедны и до начавшихся в стране масштабных изменений и остались таковыми в 1990-х гг. [Тихонова, 2003].

В этот период исследователи также указывали на формирование группы «постоянно бедных» [Ярошенко, 2010: 236]. Надолго оставались в состоянии бедности не только «старые бедные», но и те, кто не смог адаптироваться к новым рыночным реалиям и перестал пытаться это делать. Признание себя нуждающимися и обращение за государственной поддержкой не представлялось в это время зазорным, более того, в число постоянно бедных попадали не только те, кто жил за счет помощи государства, но и те, кто «выпадал» из поля зрения социальной поддержки и оказывался в ситуации «социальной исключенности» [Ярошенко, 2010].

Вопросы бедности тесно связаны безработицей, в том числе хронической. Было показано, что тех, кто остается хронически безработным, зачастую отличают не только жизненные обстоятельства (состав семьи, состояние здоровья и пр.), но и пассивные или иждивенческие личностные установки [Государственная социальная политика, 2003]. Ниже покажем, что такая тенденция прослеживается и сегодня.

Таким образом, исследования делают акцент на различных детерминантах хронической бедности и особенностях ее профиля. Однако наиболее часты упоминания о том, что хроническая бедность – более типичная проблема семей с детьми, а также больших домохозяйств и домохозяйств, в составе которых есть незанятые и лица с низким уровнем образования.

Анализ опыта изучения проблемы хронической бедности позволяет говорить о наличии существенного задела в исследовании этого феномена. В то же время большинство работ дают только «взгляд извне», в рамках которого эксперт сам определяет, что такое хроническая бедность, и затем анализирует полученные, согласно его методике, данные. При этом за рамками исследований зачастую остается вопрос, как видят ситуацию сами хронически бедные. Ответу на него посвящены следующие разделы текста.

Методология исследования и используемые данные. Для анализа хронической бедности были проведены фокус-группы с теми, кто относится к хронически бедным, и успешно вышедшим из бедности после относительно короткого пребывания в ней. Для этого авторами был разработан специализированный инструментарий, включающий помимо прочего экспериментальную часть, предполагающую разбор кейсов бедности.

Идентификация различных категорий бедных (хронически бедных и успешно вышедших из бедности) проводилась на этапе рекрутования участников исследования в соответствии с методикой, предполагающей подсчет количества лет, прожитых в бедности (в нашем случае – абсолютной монетарной бедности). При заполнении скрининговой

Таблица

Профиль участников фокус-групп

Возраст	Тип аудитории по степени бедности	Пол	Количество фокус-групп		
			Воронеж	Кострома	ПГТ в Нижегородской области
25–45 лет (равномерная представленность возрастных групп в каждом типе аудитории)	Хроническая бедность (уровень до- хода ниже прожиточного минимума (ПМ) три года и более)	м.	2	2	1
	Хроническая бедность (уровень до- хода ниже прожиточного минимума (ПМ) три года и более)	ж.	2	1	2
	Краткосрочная бедность, сейчас средний доход (были в состоянии с доходом ниже ПМ на протяжении одного-двух лет)	м.	2	1	2
	Краткосрочная бедность, сейчас средний доход (были в состоянии с доходом ниже ПМ на протяжении одного-двух лет)	ж.	2	2	1

Примечание. С учетом того, что прожиточный минимум регулярно обновляется, а его величина различается по регионам и основным социально-демографическим группам населения, было принято решение при отборе участников, а также в рамках самих фокус-групп обозначать «примерную» его величину на уровне 12–15 тыс. рублей на человека.

анкеты было предложено указать интервал, в который попадает среднедушевой доход домохозяйства. В случае если указанный доход был ниже прожиточного минимума и со-хранялся на этом уровне не менее трех лет, участники исследования классифицировались как хронически бедные. Если текущий среднедушевой доход домохозяйства был выше прожиточного минимума, однако в прошлом семья сталкивалась с ситуацией, когда доход был существенно ниже (и ниже 12–15 тыс. рублей) на протяжении одного-двух лет, участники исследования классифицировались как имеющие опыт временной бедности (и успешно преодолевшие ее).

Дизайн выборки включил: поселок городского типа (ПГТ) в Нижегородской области, город с населением до 300 тыс. человек (Кострома) и город-миллионник (Воронеж). В каждой фокус-группе участвовали 5–6 респондентов (продолжительность каждой – 2 часа). Всего проведено 20 фокус-групп в июле-августе 2023 г.

Исследования неоднократно демонстрировали тесную связь хронической бедности с наличием детей. Исходя из этого, в работе было решено сфокусироваться на семьях с детьми как наиболее типичных бедных. Именно их представители стали участниками дискуссий. К участию в исследовании были приглашены только полные семьи с двумя детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проживающими в домохозяйстве, так как семьи с детьми до 3 лет получают наибольший объем государственной поддержки и могут иначе решать вопросы бедности, а дети в возрасте 18 лет и старше могут иметь занятость, оказывая существенное влияние на материальное положение семьи. Также была обеспечена вариативность по образованию, занятости и возрасту участников исследования. Распределение фокус-групп по составу их участников представлено в таблице.

Работа с транскриптами фокус-групп предполагала открытое кодирование данных, объединение полученных кодов в темы с последующим описанием и интерпретацией.

Готовы ли хронически бедные россияне признать себя таковыми и почему? Говоря о восприятии собственной ситуации информантами, необходимо отметить, что участники исследования не привыкли осмысливать свою жизнь в категориях принадлежности

к определенной доходной группе. В то же время свое материальное положение хронически бедные описывают как проблемное, ограниченное, «неважное или даже плохое», нестабильное или ухудшающееся. Они постоянно чувствуют нехватку средств, вынуждены экономить и испытывают постоянную тревожность, опасаясь возникновения непредвиденных расходов. В первую очередь ограничения ощущаются в части расходов на образование и развитие детей, медицинские услуги, досуг и отпуск, крупные покупки. Отметим: идея о том, что культура бедности формируется, проявляя себя через ограничения в потреблении, была высказана в начале 1990-х гг. [Чернина, 1994] и согласуется с результатами исследований начала 2000-х гг. [Тихонова, 2003].

Однако сегодня ни люди с опытом краткосрочной, ни люди с опытом хронической бедности не готовы ассоциировать свое состояние с «бедностью», а себя напрямую относить к малоимущим категориям населения. Даже те, кто уже долгое время живет за чертой бедности, характеризуют свою ситуацию как временную.

Поясняя, почему именно они не являются бедными, участники исследования с низкими доходами отмечают, что у них есть определенная профессия и постоянная занятость (или они находятся в поиске работы), им удается «закрывать» наиболее актуальные потребности и поддерживать на приемлемом уровне потребление детей. В отдельных случаях хронически бедным также удается совершать крупные покупки (например, бытовой техники).

Примечательно, что в оценке признаков бедности хронически бедные и люди с краткосрочным опытом бедности сходятся, однако наблюдаются ощутимые различия в степени выраженности материальных трудностей и в уровне допустимого для своей семьи: принятия этого как «стандарта» или как «проблемы».

Представители хронически бедного населения, безусловно, понимают ограничения своего материального положения и осознают проблему нехватки денег, в то же время они не готовы признать, что находятся в этом состоянии долгое время, что сказывается на их установках и анализе возможностей по выходу из бедности. «Временная ситуация, конечно. Виден просвет, запланированы сроки окончания кредитов, запланировано, на что брать, стройки, подготовка платформы к будущему. Прекращение кредитов, возможность появления будущих заработков, например, освободится квартира, можно будет сдавать. Сдача квартиры, окончатся кредиты, повышение оплаты труда – карьерный рост» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Такая оценка ситуации прослеживается не только непосредственно в высказываниях о текущем положении, но и в неоднократно встречающихся отсылках к тому, что если положение семьи станет совсем плачевным, то участники исследования прибегнут к крайним, по их мнению, мерам (однако на данный момент они такой необходимости не видят): «Мы все можем пойти работать в рабочие специальности, там по 200 тыс. платят. Но для меня это скучно, я здесь, если бы у меня была прямо такая необходимость, что надо кредиты погасить, я бы пошла на любую работу ради денег. И каждый из нас может пойти, если будет необходимость» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Да, в автошколах учат, но пока не надо. Не хочется напрягаться. Там еще глаз да глаз, смотришь, как они там не задевают, не разрывают. Ответственность страшная. Но если прижмет...» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Такая пассивность способствует тому, что семья приходит к ситуации крайне низких доходов. Однако она может быть обусловлена и тем, что бедные зачастую сталкиваются с проблемой хронической усталости, отсутствия досуга и свободного времени, что и формирует такое отношение к сложившейся ситуации. Отметим: сходные результаты исследователи фиксировали при изучении хронической безработицы в начале 2000-х гг., обращая внимание на группу отказавшихся от возможностей трудоустройства, полагая, что ситуация недостаточно критическая, и необоснованно ожидая позитивных изменений в своем положении [Государственная социальная политика, 2003].

Для преодоления проблемы бедности важно не только признание проблемы, но и видение конечного результата («нормальной» ситуации, выхода из бедности). Результаты

фокус-групп в этой части подтверждают выводы предыдущих исследований, касающиеся постепенного занижения собственных ожиданий хронически бедными. Об этом свидетельствуют представления о «норме», которые транслируют участники исследования. Хронически бедные озвучивают более низкие цифры, описывая нормальный (80–120 тыс. рублей против 100–150 тыс. рублей) и минимально допустимый (40–60 тыс. рублей против 60–80 тыс. рублей) уровень дохода на семью в сравнении с вышедшими из состояния бедности участниками фокус-групп. То положение, которое хронически бедные описывают как «нормальное» в разных сферах жизни, отличается более низким уровнем жизни в сравнении с описаниями, которые дают вышедшие из бедности россияне. Например, «нормальность» для хронически бедных – это возможность водить ребенка на бесплатные секции, в то время как те, кто краткосрочно оказывался в ситуации низких доходов, предполагают, что в «нормальной жизни» должны быть доступны платные секции для детей. Такие тенденции фиксируются в части ответов о питании, повседневных расходах, образовании и развитии детей, медицинской помощи, крупных и непредвиденных расходах.

Что могут и что готовы делать хронически бедные для преодоления имеющихся проблем? В рамках фокус-групп участникам исследования было предложено обсудить кейсы пребывания в бедности других семей. Для этого участников первых фокус-групп просили максимально подробно описать их ситуацию, ее причины и предпринятые действия для улучшения материального положения. Полученные описания были положены в основу обсуждений на следующих фокус-группах и рекомендаций по выходу из бедности. Материалы фокус-групп позволяют утверждать, что те, кто пребывает в состоянии хронической бедности, способны предлагать самые разные пути решения «чужих» проблем в зависимости от контекста: они указывают на важность поиска или смены работы для выхода из бедности, обращение к мерам социальной поддержки, перераспределение обязанностей в семье и прочее.

Однако сравнивая ответы хронически бедных и тех, кто имеет опыт краткосрочного пребывания в бедности, применительно к их собственной ситуации, можно зафиксировать ряд различий в поведении этих групп. Те, кому удалось быстро выйти из состояния бедности, как правило, имеют дополнительную квалификацию и/или дополнительную занятость, опыт и «навыки» смены работы, освоения новой деятельности. В целом они демонстрируют большую адаптивность: более открыты к освоению новых навыков, обучению с нуля, смене карьерного трека, меньше держатся за прошлые достижения и более открыты к понижению в должности или неквалифицированной работе в случае необходимости. «Пришлось уволиться с работы, на которой не было заказов. И искал заказы, главное, чтобы где платили больше. Мне надо больше зарабатывать, а не свободное время. Ребенок, старший, не до родителей, с младшим мама очень хорошо занимается, без меня обойдется, а мне хоть вообще уедь на Севера, хоть дома не живи» (м., краткосрочная бедность, Воронеж).

Тех же, кто остается хронически бедными, отличают противоположные особенности. Они зачастую держатся за текущее место работы, не имеют большого опыта поиска и смены работы, меньше следят за тенденциями на рынке труда. Несмотря на то что на группах с представителями хронически бедного населения в рамках проективных ситуаций предлагали участникам сменить работу, сами они не стремились к такому решению, а были склонны выждать, надеясь, что ситуация исправится сама. «Я медсестра, всю жизнь работаю в этой сфере. Я не могу стать врачом, инженером. У меня есть специальность, нормальная, сложная. Где родился, там и пригодился» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Не знаю, на айтишника тяжеловоато, долго и муторная работа, хотя есть склонность, но не хочу» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Причины такого поведения коренятся как в личных установках, так и во внешних факторах. Зачастую хронически бедные заняты в не самых востребованных сферах, сталкиваются с крайне высокой загрузкой на работе, имеют неофициальную зарплату и не могут претендовать на более высокую оплату труда и оплату больничных, отпусков в полном

размере. «Попытки нет. Потому, что в силу образования я учитель. Если брать дополнительные, я – учитель начальных классов, это не русский, не математика, не иностранный язык. У супруга так же – он продавец бытовой техники, подработки не возьмешь» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Хронически бедные не верят в помощь от государственной службы занятости, где не только не получают помощи, но и теряют возможность претендовать на получение выплат безработным. «А в таком возрасте мне уже неинтересно менять сферу деятельности. Ладно, было бы мне 25 лет, я бы в Пенсионном фонде работала. А в моем возрасте, когда мне сказали то и то, я уже не стала бы с этой дамой общаться» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Фактором, негативно влияющим на решение о смене работы, выступает возраст. Хронически бедные высказывают мнение, что после 40 лет на рынке труда они никому не нужны, а значит, и работу поменять не удастся: «У меня коллега 45 лет, уволилась, вообще не может найти работу. Никто не хочет брать людей за 40» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Пассивное поведение хронически бедных в отношении занятости также формируется недостаточной осведомленностью в части возможностей защиты их трудовых прав: неоднократно участники исследования описывали ситуации, когда их или их близких обманывали, не доплачивая за работу, увольняя или требуя выполнять дополнительную работу безвозмездно: «А когда мобилизация, он[муж] уволился. После этого начал искать работу в других компаниях, там обещают одно, по факту получается другое. Потому, что там брак, не так занес, телевизор случайно покоцал, задел. И все это вычитается из зарплаты тоже. Интересное дело. Обещали одну зарплату, по факту получает другую» (женщина, хроническая бедность, Воронеж). «Я мужу пыталась говорить, чтобы он ходил на другую работу, но он не хотел. У них многие парни уходили на новую работу, но там их обманывали, зарплату не выплачивали, а назад их начальник тоже уже не берет» (ж., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Имеющие опыт краткосрочной бедности также сталкиваются с ситуациями неопределенности и обмана на рынке труда, но реагируют на них спокойнее, стремясь минимизировать риски, меняя место работы при необходимости и вникая в детали предлагаемой занятости.

Наряду с этим отмечается более высокая ригидность хронически бедного населения. Они не готовы к смене графика, менее комфортным условиям труда для повышения доходов, с трудом отказываются от видения себя как состоявшегося профессионала и с трудом принимают необходимость заниматься менее квалифицированным трудом. «Но я в данный момент просматриваю вакансии, есть вот мясоперерабатывающие заводы, туда приходишь и зарабатываешь. Но я считаю, что я там отупею» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Для Москвы – ерунда. Но я каждый день не готова ездить, для меня это было тяжело. Надо же приехать, еще детей накормить» (ж., хроническая бедность, Кострома).

Помимо перечисленного, для хронически бедных характерна более низкая готовность к обучению (как к освоению новых навыков, так и к повышению квалификации в рамках своей профессии). Проблема имеет комплексный характер. С одной стороны, у попадающих в ловушку бедности надолго установки на освоение новых навыков, как правило, отсутствуют, с другой – их возможности обучения и переобучения объективно ограничены, поскольку все ресурсы семьи в бедственном положении направлены на поддержание минимально необходимого уровня потребления и средств на повышение квалификации просто нет. В целом же хронически бедных отличает убежденность, что получение образования, переобучение ничего им не даст: «Учеба сейчас дорогая. Это нужен доход. И не факт, что ты будешь нужна по этой специальности. Я – экономист, экономистка и управление предприятиями машиностроения, востребованная специальность, а найти работу невозможно» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Переквалифицироваться, но вопрос, переквалифицироваться в моем возрасте, есть ли смысл? У нас на памяти 90-е, потом 2000-е, когда сначала требовались одни, потом менялось направление, сначала

менеджеры, потом айтишники, после них еще кто-то. И эта гонка, за ней не успеешь. И стоит ли гнаться? Потому что ты закончил курсы, и кому ты нужен?» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Краткосрочно бедные, напротив, отмечают преимущества получения образования, повышения квалификации, связанные как непосредственно с приобретением знаний и навыков, так и с повышением адаптивности в целом: «Гарантией не является, но человек быстрее вылезет из этой ямы, он будет быстрее искать, туда пойдет, будет больше искать» (ж., краткосрочная бедность, Воронеж).

Так как в фокусе исследования семьи, имеющие детей, нельзя не упомянуть, что наличие ребенка в семье воспринимается как серьезное ограничение для занятости родителей. Зачастую те, кто надолго остается в состоянии бедности, опираются на идею, что маленький ребенок требует внимания и расходов, но когда он станет старше, ситуация улучшится: мама сможет выйти на работу, ребенок не будет требовать постоянного внимания. «Сейчас просто. Дети – якорек такой есть, чтобы не двигаться. Если бы я был один, можно было бы пересмотреть и двигаться в этом направлении. Мне так проще. Дети вырастут, можно идти за большими суммами» (м., хроническая бедность, Кострома). Однако на практике семьи сталкиваются с тем, что взросление ребенка не оказывает существенного влияния на изменение ситуации. В детском саду и начальной школе дети часто болеют. Даже выходя из декретного отпуска, мамы не имеют возможности полноценно работать, сменить работу, уделять ей достаточно времени. Как только дети становятся старше, остро встает проблема поиска репетиторов и дополнительных занятий, а также сопровождения ребенка на занятия (отвезти, встретить), а для самых старших детей актуальной становится подготовка к вузу. К тому же по мере взросления детей актуальность приобретают не только вопросы обеспечения достойного образования, но и повышения их уровня жизни в целом (например, обеспечения детей собственным жильем): «Я не могу выйти на работу, потому что у меня дети. В первую и вторую смену, нужно забирать детей из школы, контролировать все это» (ж., хроническая бедность, Воронеж). «Тебе уже столько лет, ты должен пожить хоть чуть-чуть. На новую работу, на две, на три, и что? Взрослые дети – это тоже фактор риска, у них нет возможности купить квартиру вообще, она каждый год дорожает на миллион» (м., хроническая бедность, Нижний Новгород).

Различия между краткосрочно и хронически бедными фиксируются не только в части занятости, но и в части финансовых отношений внутри семьи. Все принимавшие участие в исследовании семьи демонстрируют достаточно консервативный подход к распределению ролей в семье, и когда речь заходит о смене работы, подработках – они подразумевают прежде всего активное вовлечение мужчин в эти стратегии. О том, что мужчина «должен» обеспечить семью, говорят как сами мужчины, так и женщины. В то время как женщины заняты детьми и их возможностями в части занятости воспринимаются как незначительные: «Это я ей даю свободу в этом плане, захочет, пойдет работать, не захочет – нет. Потому что материальные затраты в нашей семье всегда были на мне, все денежные вопросы решают я. С нее никогда копейки не брал» (м., хроническая бедность, Кострома). Хронически бедным близка модель семьи, предполагающая, что кормильцем является мужчина, в то время как женщина остается с детьми (зачастую и после окончания декретного отпуска), не предпринимая попыток выйти на рынок труда. Ситуации, когда женщина выходит на работу, воспринимаются настороженно: высказываются опасения, что без внимания в этом случае остаются дети и муж.

Те, кому удалось выйти из бедности, напротив, более склонны демонстрировать откло-нения от этой модели. В таких семьях женщины раньше выходят на работу, вырабатываются стратегии, при которых женщина возвращается к регулярной занятости или берет подработки, в то время как мужчина более активно вовлекается в заботу о детях. В целом образ работающей женщины воспринимается ими более позитивно.

Примечателен и тот факт, что как у хронически, так и у временно бедных в окружении есть примеры ситуаций, когда человек или семья смогли существенно улучшить свое материальное положение и выйти из бедности. Однако они воспринимаются не как результат упорного труда в рамках стратегии по преодолению бедности, а как случайность, удачное

стечении обстоятельств: «Только если замуж за богатого вышли. У меня подруга была замужем, ей 40, муж не особо обеспеченный, она нашла себе другого мужа, теперь живет в шоколаде» (ж., хроническая бедность, Воронеж).

Подводя итог, отметим, что каждая из особенностей хронически бедных встречается не во всех случаях, однако их сочетание надолго оставляет семьи в ситуации бедности.

Выводы. Полученные качественные данные позволили дать представление о причинах и стратегиях преодоления бедности, использованных для выхода из бедности в короткие сроки, а также об установках, которые приводят к хронической бедности. Выявлено, что и хронически бедные, и представители среднедоходных групп с краткосрочным опытом бедности сходным образом воспринимают бедность, однако те, кто остается в состоянии застойной бедности, не вполне готовы осознать серьезность собственной проблемы: они продолжают характеризовать ее как временную и полагают, что если ситуация станет критичной, они смогут улучшить свое положение. При этом ожидания и представления о «нормальной» жизни у хронически бедного населения постепенно трансформируются и уровень их притязаний снижается.

В части выработки путей решения проблемы низких доходов хронически бедное население демонстрирует комплексное видение проблемы, высказывает предложения об обращении к рынку труда, получении пособий, изменении финансовой нагрузки в семье. Однако такие решения предлагаются только для «чужих» ситуаций, в то время как для себя хронически бедные находят ряд причин, препятствующих активному вовлечению в рынок труда – наличие детей, ограниченные представления о рынке труда, негативный опыт поиска работы, нежелание менять привычный образ жизни и пр.

Сопоставление полученных результатов с материалами исследований конца 1990-х и начала 2000-х гг. позволяет говорить об относительной стабильности явления: сохраняются многомерное восприятие бедности и гетерогенность состава малоимущего населения; важным фактором, определяющим перспективы тех, кто оказался в ситуации бедности, остаются их личные установки. Шаги, нацеленные на выход из бедности (как и стратегии выживания ранее), предполагают различную степень личной активности: от пассивного урезания собственных запросов до активного поиска работы и подработки. Ключевым изменением прошедших 20 лет можно назвать переход от восприятия бедности как «нормального» состояния (в конце 1990-х свое бедственное положение стремились скрыть только те, кто оказался в состоянии нищеты) к трактовке ее как проблемы, которую необходимо скрывать от окружающих и решать.

Результаты исследования ставят вопросы для дальнейшего изучения роли социальной поддержки в решении проблем малоимущего населения. Проведенный анализ показывает необходимость дифференцированной работы с временно и долгосрочно бедными как в части оценки ситуации, так и выбора стратегий преодоления бедности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под общ. ред. О.И. Шкарата. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 20–28.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24–40.
- Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38.
- Пишняк А.И., Халина Н.В. и др. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56–73.
- Слободенюк Е.Д. Институциональные факторы формирования застойной бедности в современной России // Журнал институциональных исследований. 2014. № 3. С. 146–159.
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 36–49.

- Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7–19.
- Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
- Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 54–61.
- Ярошенко С.С. «Новая бедность» в России после социализма // Laboratorium. 2010. № 2. С. 221–251.
- Abanokova K., Dang H. Poverty in Russia: A Bird's-Eye View of Trends and Dynamics in the Past Quarter of Century // IZA Discussion Paper. No. 14544. 2021. URL: <https://docs.iza.org/dp14544.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
- Andriopoulou E., Tsakloglou P. The Determinants of Poverty Transitions in Europe and the Role of Duration Dependence // IZA Discussion Paper No. 5692. 2011. URL: <https://docs.iza.org/dp5692.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
- Carter M.R., Barrett C.B. The economics of poverty traps and persistent poverty: An asset-based approach // Journal of Development Studies. 2006. Vol. 42. No. 2. P. 178–199.
- Fouarge D., Layte R. Welfare Regimes and Poverty Dynamics: The Duration and Recurrence of Poverty Spells in Europe // Journal of Social Policy. 2005. No. 34. P. 407–426.
- Howe G., McKay A. Combining quantitative and qualitative methods in assessing chronic poverty: The case of Rwanda // World Development. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 197–211.
- Hulme D., McKay A. Identifying and measuring chronic poverty: Beyond monetary measures? // Many Dimensions of poverty / Ed. By N. Kakwani, J. Silber. UK: Palgrave Macmillan UK, 2013. P. 187–214.
- Laderchi C.R., Saith R., Stewart F. Does it matter that we do not agree on the definition of poverty? A comparison of four approaches // Oxford development studies. 2003. Vol. 31. No. 3. P. 243–274.
- Mckay A., Lawson D. Assessing the Extent and Nature of Chronic Poverty in Low Income Countries: Issues and Evidence // World Development. 2003. No. 31(3). P. 425–439.
- Spryskov D.S. Persistent Poverty in Russia. М.: New Economic School, 2000.
- World Bank. Russia – Targeting and the longer-term poor. Vol. 1: Main report (English), 1999. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/713851468777993685/main-report> (дата обращения: 25.10.2024).
- You J. Evaluating poverty duration and transition: A spell-approach to rural China. BWPI Working Paper 134, 2010. URL: <https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/gdi/publications/workingpapers/bwpi/bwpi-wp-13410.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).

Статья поступила: 14.08.24. Финальная версия: 01.11.24. Принята к публикации: 06.11.24.

PERSISTENT POVERTY IN RUSSIA: A QUALITATIVE STUDY

NAZARBAEVA E.A.*[,], KHALINA N.V.*[,], PISHNYAK A.I.*

*HSE University, Russia

Elena A. NAZARBAEVA, Research Fellow (enazarbaeva@hse.ru); Natalia V. KHALINA, Research Fellow (nkhalina@hse.ru); Alina I. PISHNYAK, Cand. Sci. (Sociol.), Center Director (apishnyak@hse.ru). All – Centre for Studies of Income and Living Standards of HSE University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Abstract. The article is devoted to the analyses of persistent poverty in comparison with transitory one. A huge number of studies is already done in this area, however, applying primarily quantitative methodology. The objective of our study is to explore the persistent poverty using qualitative methods. As the literature review demonstrates that families with children are one of the main categories at risk of chronic poverty, the study is focused on this category. Using the data of focus-group discussions (FGDs) conducted in summer 2023 with both persistent poor and those with transitory poverty experiences, we argue that chronically poor do not describe themselves as poor. Moreover, they underestimate duration of living below the poverty line and the risks of their position arguing that they are able to improve it (primarily in terms of income). During the FGDs the study participants discussed the cases of the other poor and their capability to quit poverty as well as their own capabilities. Persistently poor population is able to formulate various strategies to overcome poverty for others (like activities in labor market, applying for social benefits etc.), however, they are not ready to use the same steps for themselves. They appeal to their negative experience at the labor market, necessity to spend much time with children and being not ready to radically change their habits.

Keywords: poverty, chronic poverty, persistent poverty, transitory poverty, poverty perception.

REFERENCES

- Abanokova K., Dang H. (2021) Poverty in Russia: A Bird's-Eye View of Trends and Dynamics in the Past Quarter of Century. *IZA Discussion Paper*. No. 14544. 2021. URL: <https://docs.iza.org/dp14544.pdf> (accessed: 25.10.2024).
- Andriopoulou E., Tsakloglou P. (2011) The Determinants of Poverty Transitions in Europe and the Role of Duration Dependence. *IZA Discussion Paper*. No. 5692. 2011. URL: <https://docs.iza.org/dp5692.pdf> (accessed 25.10.2024).
- Carter M.R., Barrett C.B. (2006) The economics of poverty traps and persistent poverty: An asset-based approach. *Journal of Development Studies*. Vol. 42. No. 2: 178–199.
- Chernina N.V. (1994) Poverty as a social phenomenon in Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 54–61. (In Russ.)
- Fouarge D., Layte R. (2005) Welfare Regimes and Poverty Dynamics: The Duration and Recurrence of Poverty Spells in Europe. *Journal of Social Policy*. No. 34: 407–426.
- Howe G., McKay A. (2007) Combining quantitative and qualitative methods in assessing chronic poverty: The case of Rwanda. *World Development*. Vol. 35. No. 2: 197–211.
- Hulme D., McKay A. (2013) Identifying and measuring chronic poverty: Beyond monetary measures? In: *Many Dimensions of poverty*. Ed. by N. Kakwani, J. Silber. UK: Palgrave Macmillan UK.
- Laderchi C.R., Saith R., Stewart F. (2003) Does it matter that we do not agree on the definition of poverty? A comparison of four approaches. *Oxford development studies*. Vol. 31. No. 3: 243–274.
- Lezhnina Yu.P. (2014) Social demographic specifics of poverty in Russian Federation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 20–28. (In Russ.)
- Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Y. (2020) Chronic poverty: What affects its level and severity? *Voprosy ekonomiki* [Economic Questions]. No. 12: 24–40. (In Russ.)
- Mckay A., Lawson D. (2003) Assessing the Extent and Nature of Chronic Poverty in Low Income Countries: Issues and Evidence. *World Development*. No. 31(3): 425–439.
- Ovcharova L. (2012) Theoretical and methodological issues of defining and measuring poverty. *SPERO. Social'naja politika: jekspertiza, rekomendacii, obzory* [SPERO. Social policy: Expertise, Recommendations, Overviews]. No. 16: 15–38. (In Russ.)
- Pishnyak A., Khalina N. et al. (2021) The level and the profile of persistent poverty in Russia. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy assotsiacii* [Journal of the New Economic Association]. Vol. 50(2): 56–73. (In Russ.)
- Slobodenyuk E., Tikhonova N. (2014). The heterogeneity of poverty in Russia through the prism of deprivation and absolute approaches. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1: 36–49. (In Russ.)
- Slobodenyuk E.D. (2014) Institutional factors of chronic poverty formation in modern Russia. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of institutional studies]. No. 3: 146–159. (In Russ.)
- Spryskov D.S. (2000) *Persistent Poverty in Russia*. Moscow: New Economic School.
- State social policy and survival strategies of households*. (2023) Ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: GU VSHE. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2003) *Urban poverty phenomenon in contemporary Russia*. Moscow: Letniy sad. (In Russ.)
- Tikhonova N.Ye. (2014) Poverty phenomenon in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 7–19. (In Russ.)
- World Bank. Russia – Targeting and the longer-term poor*. (1999) Vol. 1: Main report (English). URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/713851468777993685/main-report> (accessed 25.10.2024).
- Yaroshenko S. (2010) "New poverty" in Russia after the socialism. *Laboratorium*. No. 2: 221–251. (In Russ.)
- You J. (2010) Evaluating poverty duration and transition: A spell-approach to rural China. *BWPI Working Paper 134*. URL: <https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/gdi/publications/workingpapers/bwpi/bwpi-wp-13410.pdf> (accessed 25.10.2024).

Received: 14.08.24. Final version: 01.11.24. Accepted: 06.11.24.